

В. Я. Нагевичене

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И БЫТИЯ

V. Ya. Nagevichene

THE MEANING OF LIFE AS THE INTEGRITY OF AN INDIVIDUAL AND BEING

Исследована проблема дефиниции «смысл жизни» как конкретной человеческой деятельности в трудах русских религиозных философов, а также западных философов через призму коллективного и личного бессознательного. Проведен анализ рассмотрения данного понятия в религиозном, атеистическом, марксистском и иррациональном философском аспекте решения данного вопроса. Рассмотрено противостояние концепций о смысле жизни, которое касается не только трактовки понятия «смысл», но и понятия «жизнь».

Ключевые слова: *смысл жизни как вид конкретной человеческой целостности, природа общего смысла жизни проективна и ретроспективна, коллективное и личностное бессознательное, локальный и интегральный, духовный и плотский смысл жизни, целостность человека.*

The definition of “meaning of life” as a specific human activity in the works of Russian and European religious philosophers in terms of collective and individual irrationality is studied. The analysis of considering this concept in religious, atheistic, Marxist and irrational philosophical aspects is carried out. The contradiction of conceptions about the meaning of life is examined. It concerns not only the interpretation of the concept of “meaning”, but also the concept of “life”.

Keywords: *meaning of life as a form of specific human integrity, nature of general meaning of life is projective and retrospective, collective and individual irrationality, local and integral, spiritual and material meaning of life, human integrity.*

Трагедия человека, обладающего сознанием, заключается в том, что, даже утратив смысл своего существования, он при всем старании не может отказаться от дальнейших попыток осмыслить драму своей жизни, отыскать потребную целостность, приобщится к каким-нибудь привлекательным образцам гармонической жизни. По словам Н. А. Бердяева, сознание дано человеку для того, чтобы его душа, потерявшая связь с Богом, испытывала муки. Обладание сознанием и свободой выбора цели жизни сопряжены у человека с ощущением страха за последствия своей деятельности, с грустью и трагизмом, стыдом и страданием. Сама потребность осознать свою жизнь есть, по известному замечанию Э. В. Ильенкова, «проклятый дар» Божий человеку; в сознании дана вся боль мира; без сознания человек был бы счастливее. Самосознание сопоставляет размытый образ своего интегрального «я» с признанным обществом идеалом гармонической целостности и корректирует личную смысложизненную установку. Уточнение дальнейшей направленности своей жизни требует осмысления ее завершившихся стадий и выбора какого-нибудь маяка гармонической жизни. Искусству быть самим собой и самостоятельно восходить к собственной индивидуальности, посвящено много книг (Л. П. Гримака, Н. И. Козлова, В. Л. Леви, К. К. Платонова и др.). По нашему мнению, *природа общего смысла жизни одновременно проективна и ретроспективна*. Чаще всего этот смысл открывается человеку неосознаваемым путем.

Как можно придать чему-то смысл? К. Г. Юнг (1875—1961) развил учение, в котором говорится, что *формами придания смысла служат особые языковые матрицы, происходящие от древних образов — бессознательных архетипов. Коллективное бессознательное* всеобщее и сверхличностно, состоит из инвариантных для всех времен и народов атомарных архетипов. Его нельзя приобрести через личный опыт, оно коренится в психике предков, представляя собой родовую память человечества. Архетип играет роль основной витальной функции человека. По мнению Юнга, архетипы передаются генетически, а также через традиции, храня в себе архаику картин мира. В форме символов они проявляются в сновидениях, художественном творчестве и т. п. Примеры архетипов: круг мандалы как символ Вселенной и вечного потока жизни, образ матери-земли, героя, мудрого старца, гения.

Личностное бессознательное проистекает из детских впечатлений¹. М. Элиаде в полемике с Юнгом отстаивал тезис, что архетипы имеют не бессознательную, а сверхсознательную (божественную) обусловленность.

Если бегло просматривать чью-нибудь индивидуальную биографию сквозь динамику ее важнейших событий, то в ней можно обнаружить некий смысловой стержень, представляющий собой конкретный вид человеческой целостности. Понятие «смысл жизни как вид конкретной человеческой целостности» чаще обозначают кратким выражением «*смысл*

жизни». Термин «смысл жизни», по-видимому, вошел в обиход через английскую философию Нового времени как калька с «sense of life» и до сих пор в достаточной мере не отрефлексирован по-русски — то ли это «кразум жизни», то ли «способность понимать жизнь», то ли «прок» (толк, итог) от жизни. Но, так или иначе, под ним все же чаще понимают нечто в роде «сути я», «интеграла самости», предельной сущности всех проявлений индивида в отношении себя и всего иного.

Каким способом трансцендентный смысл отображается на конечной метрике? Что объединяет смысл невидимого слоя Бытия и наблюдаемую целесообразность организации кристалла, растения, животного и т. п.? Ответ на эти вопросы — *целостность*. Так, смысл произведения искусства заключен в его художественной идее, именно идея придает целостность всему произведению (В. Дильтей). А смысл индивида или народа — в «идее личности» или «идее народа». С теоцентрической точки зрения, стихия смысла жизни — не материя и не энергия, а информация о виртуальной форме правления души в теле. В этом плане смысл чьей-либо жизни можно определить как «умопостижимый эйдос целостности индивида», или как «идею индивида». «Смысл» — не просто значение, а формальная причина (энтелехия) текста, обеспечивающая единую внутреннюю связь всех значений знаков текста. Будучи виртуальным по природе и относясь к сфере существенного (но не вещественного) бытия, смысл жизни опосредованно проявляется сквозь «текст» поведения индивида, но не редуцируется к арифметической сумме значений его поступков. Смысл жизни есть «бытие везде и нигде в данном месте», он снято пребывает в каждом поступке, не воплощен целиком ни в одном из них, а потому находится по ту сторону от мира фактов, чувственных данных, ускользает от внешней знаковой фиксации. Смысл собственной целостности вряд ли можно воспринимать непосредственно, практически, извне своего тела. Чаще он приоткрывается нам интуитивно, через совесть как орган смысла. Косвенное знание о нем дают размышления над серией собственных поступков. Бывает и так, хотя крайне редко, что идея целостности своего «я» отчетливо выявляется в особо характерных поступках, к которым индивида вынуждают «пограничные ситуации», критическое положение, переломные моменты в его жизни.

«Утверждать, что жизнь имеет смысл, — пишет Е. В. Грунт, — значит проникнуть в суть бытия человека <...> Проблема смысла жизни человека есть проблема сущности жизни»². В своей докторской диссертации на ту же тему Е. В. Грунт группирует и оценивает взгляды классиков философии на смысл жизни в соответствии с тремя парадигмами: а) смысл жизни — в самой жизни (эпикуреизм, материалистический атеизм); б) смысл жизни — вне жизни человека (платонизм, христианство); в) смысл жизни — в самореализации человека (фихтеанство, ницшеанство).

В сфере религиозно-философских исследований смысложизненной проблемы сегодня продолжают соперничать два подхода — *онтологический* и *аксиологический*. Первый, характерный для восточно-

христианской теологии и философии, исходит из установки неоплатоников «брать целое как умозрительную божественную идею», представляющую собой «правду бытия». А второй подход, развиваемый на основе протестантизма, предпочитает неокантианскую теорию ценности и отдает пальму первенства эмпирическим измерениям человека. Традиционная теология выводит представления о ценности и благодати жизни из онтологических представлений о Боге как Полноте Бытия и Абсолютном Благе. Протестантская теология же больше ориентируется на эмпирическую аксиологию и рукотворные человеческие ценности.

Неоплатоники и сегодня склонны обсуждать проблему смысла жизни (правда, в новых научных терминах) как вопрос о специфическом единстве духа, души и плоти в каждом человеке. Они верят, что Бог закладывает в душу каждого человека, в момент его рождения, своего рода информационную стратегическую программу. В программе изначально определены аттракторы духовной, душевной или плотной целостности. Этот алгоритм, незаметно для самого человека, направляет его общее развитие, и мы рано или поздно достигаем предначертанных целей. «Идея индивида», вначале незримо сконцентрированная в душе в форме сущностных сил (прежде всего, как доминантная возможность жизненного пути), в течение всей жизни постепенно оплотняется в реальную судьбу индивида, высвечивается во множестве его дел и поступков.

Как учит традиционное *христианство*, когда человек умирает, его дух («идея индивида») уходит обратно к Богу, и до скончания времен продолжает пребывать в Полноте Бытия. В момент всеобщего воскресения Бог оживляет умерших в их предустановленной целостности. Итак, в христианско-онтологическом прочтении проблема осмысления целостности жизни предстает как проблема эйдетического созерцания того «информационного генотипа», который задан свыше и причудливо, в зависимости от разных жизненных обстоятельств, реализуется в конкретно-вещественном фенотипе.

Неокантианство, атеистически гипертрофируя принципы протестантской антропологии, принципиально иначе формулирует проблему смысла жизни. Божественный проект человека есть непостижимая «вещь-в-себе», поэтому бессмысленно искать некие априорные «эйдосы целостности», трансцендентальные «идеи индивидов», объективные надчеловеческие «заданности». Нашему сознанию доступно лишь осмысление тех общих целей, которые мы сами лично и вполне осознанно ставим перед собой. В субъективной реальности нашего сознания нет никаких иных «значимостей», кроме личных субъективных оценок. Под смыслом жизни как целого следует, с этой точки зрения, понимать ценность прожитой жизни для самого человека, его окружающих и общества в целом. Неокантианец В. Франкл пишет: «Ценности можно определить как универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество или даже все человечество»³.

В *марксистской литературе* преобладают дефиниции «смысла жизни», родственные атеисти-

ческим неокантианским взглядам. Под смыслом жизни отечественные марксисты понимают: 1) осознание и оценку человеком основного содержания собственной жизни (С. Халназаров, Е. В. Грунт); 2) моральную установку личности и направленность ее действия (Б. Н. Попов); 3) намеренно ставящуюся человеком целью жизни (В. П. Тугаринов, Л. Н. Коган); 4) способность человека содействовать реализации необходимых людям закономерностям общественного развития (Г. Ф. Косенко). Все эти концепции смысла жизни отражают лишь одно измерение человека — его практическое сознание как функцию психики. Против них можно выдвинуть такой фактический аргумент: люди чаще всего реально живут вопреки осознанно формулируемым ими «смыслам жизни». Например, те, кто считает жизнь совершенно бессмысленной, не торопятся завершать ее самоубийством; следовательно, они руководствуются инстинктивным «здоровым смыслом».

Марксистский атеизм признает способность человека рационально познать и истинно оценить свой смысл жизни.

Напротив, *иррационалисты* ставят под сомнение или даже вовсе отрицают возможность рационально-дискурсивно выразить смысл жизни, «идею отдельной жизни», полагая, что жизнь иррациональна по своей сути, а наше сознание часто ошибается, когда пытается выразить невыразимую глубину человеческой души. Так, *философы-экзистенциалисты* утверждают, что «смысл» — это предмет веры, интуиции, инстинкта, но вовсе не предмет научного разбирательства. Отсюда, изначально бесперспективны всевозможные социологические опросы населения о смысле жизни. К. Ясперс считал, что смысл жизни приоткрывается лишь в пограничных ситуациях. А. Камю считал смерть существенным определением жизни и выносил ответ о смысле жизни за пределы самой жизни. По Б.-У. Хергемеллеру, смысл жизни дан только в вере и обнаруживается в канве смерти, удивления, страха, радости, скуки. Очень часто самовоспитание людей оказывается неосознаваемым духовным самотеком, в нем преобладает случайное, отсутствуют цели, критерии, системность и методика.

Противостояние концепций о смысле жизни касается не только *трактовок понятия «смысл», но и понятия «жизнь».*

Неоплатоники и христиански мыслящие философы полагают, что Бог есть жизнь, жизнь вечна и все есть жизнь — внутри и снаружи (духовно, душевно и витально-телесно).

Атеисты, наоборот, склонны определять жизнь по ее внешним проявлениям (это «способ суще-

ствования белковых тел...», по Ф. Энгельсу) и рассматривают ее как крайне редкое явление во Вселенной. Первые сопрягают «смысл жизни» с идеями: а) человека как «искры Божьей»; б) причастности к Абсолютному Духу; в) самопознания, интроспекции; г) метафизической совести и т.п. Вторые привязывают смысл жизни к «внешнему человеку» и усматривают его в: а) труде; б) служении обществу (государству, народу); г) жизни ради своих детей и близких; д) борьбе за лучшие условия жизни; е) стремлении прославиться чем-то, сделать себе карьеру и т. д. Служить себе или другим (другому, Богу), при этом стремясь к наслаждениям и счастью или, наоборот, к страданиям и испытаниям, либо повинувшись долгу — разные варианты построения концепций смысла жизни в обеих вышеупомянутых парадигмах.

Можно провести некоторую *типологию смыслов жизни*. Во-первых, следует различать *интегральный* (на всю жизнь) и *локальный* (характерный для фазы жизни индивида) смыслы жизни. Во-вторых, надо противопоставлять *духовный* и *плотский* смыслы жизни. Тогда, по-разному сочетая указанные полюса дихотомий, получаем следующую типологию смыслов жизни:

- интегральный духовный смысл жизни;
- интегральный плотский смысл жизни;
- локальный духовный смысл жизни;
- локальный плотский смысл жизни.

Кроме того, если признавать реальность добрых и злых духов, то духовный смысл жизни (как интегральный, так и локальный) имеет две противоположные модальности — положительную и отрицательную. Формулы смысла духовной жизни даны в разных Священных Писаниях, другие виды смысла жизни ярко описываются в художественной литературе и формализуются философами и этиками. Но любая явленная формула смысла жизни есть всего лишь символический намек на определенность смысла жизни. Эта определенность смысла жизни может быть гармоничной и дисгармоничной для человека.

Человек счастлив тогда, когда его смысл жизни дает ему ощущение целостности с бытием, Миром и Богом.

Примечание

1. Юнг К. Г. Архетип и символ. — М. : Renaissance, 1991. — С. 24.
2. Грунт Е. В. Проблема смысла жизни в истории западно-европейской философии. — Челябинск : ЧИРПО, 1996. — С. 151.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М. : Прогресс, 1990. — С. 228.

Поступила в редакцию 1 июня 2013 г.

НАГЕВИЧЕНЕ Валентина Яковлевна, доктор философских наук, доцент, профессор Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Миассе. Область интересов — проблемы целостного человека, пола, семьи и брака. E-mail: feml@feml.miass.susu.ru

NAGEVICHEVA Valentina Yakovlevna. Doktor of Philosophy, docent, Professor Department in Miass branch of Soute Ural State Universitu. Research interests: the problem of the whole man, sex, marriage and family. E-mail: feml@feml.miass.susu.ru